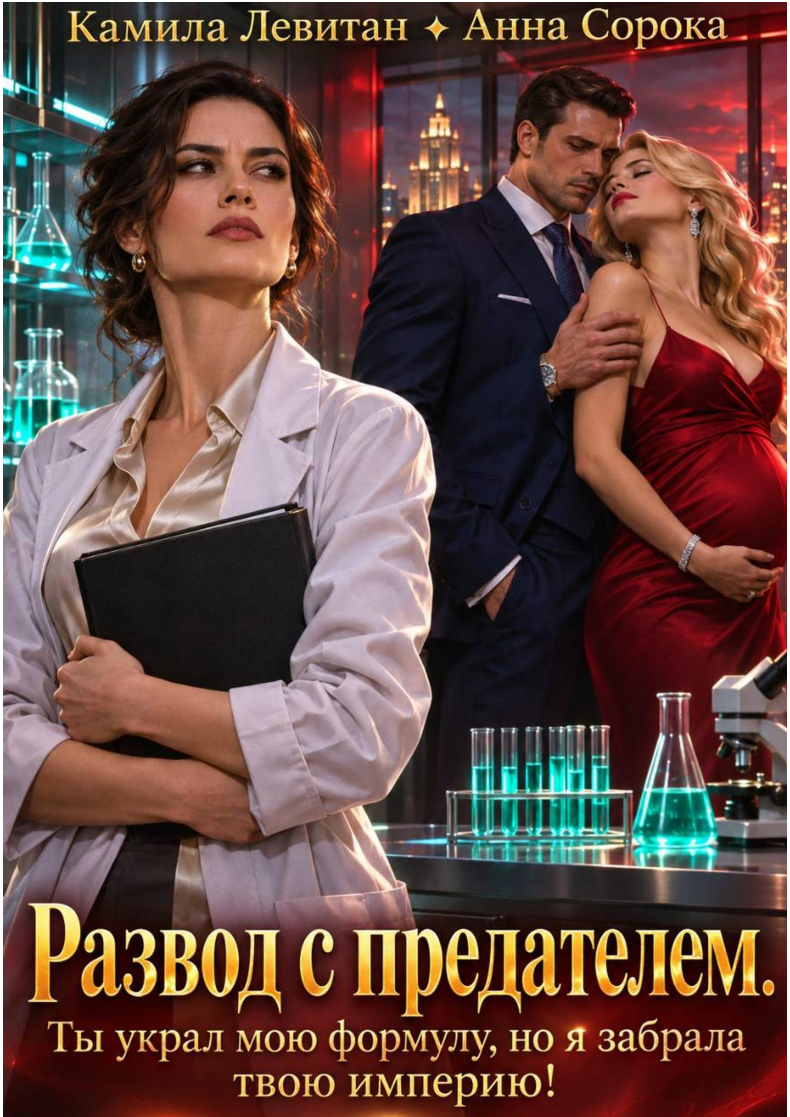

Камила Левитан ✦ Анна Сорока
Развод с предателем.
Ты украл мою формулу, но я забрала твою империю!

Анна Сорока
Камила Левитан

Развод с предателем. Ты украл мою формулу, но я забрала твою империю!

https://litres.ru/74730707
SelfPub; 2026

Аннотация

Я три года создавала формулу, которая должна была сделать нашу компанию успешной. А муж решил присвоить моё открытие, передать его конкурентам и выставить меня преступницей.

Вместо презентации инвесторам — наручники. Вместо любви — беременная любовница и обвинение в краже собственных разработок.

Дмитрий уверен, что я сломлена. Но он не знает: украденная формула может стать причиной страшной катастрофы.

Чтобы спасти людей и вернуть своё имя, мне придётся довериться Артуру — влиятельному мужчине, который предлагает помощь на опасных условиях.

У меня почти ничего не осталось, кроме знаний и упрямства.

Я докажу правду. Верну себе лабораторию. И заставлю предателя ответить за каждую ложь.

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 13
Глава 3 19
Конец ознакомительного фрагмента. 26

Камила Левитан, Анна Сорока Развод с предателем. Ты украл мою формулу, но я забрала твою империю!

Глава 1

Тридцать страниц на плотной матовой бумаге. Папка давила на грудь, хотя весила совсем немного: отпустить её я не могла, как будто без этих листов меня не пустят к инвесторам. Под тонкой тканью блузки колотилось сердце. Три года. Тысячи часов в лаборатории «НеоХима», сотни неудачных пробирок, бессонные ночи над формулами биодобавки, которая могла бы изменить рынок спортивного питания. Сегодня я покажу результат инвесторам банка. Дмитрий должен был быть там, рядом со мной. После презентации можно будет убрать со стола расчеты, поужинать вдвоем и хоть раз за эти месяцы не спорить о сроках. Я уже представляла, как он потянется через стол и накроет мою руку своей.

Лифт остановился между седьмым и восьмым этажами.

Резкий толчок сотряс кабину, свет мигнул и погас, оставив меня в липкой темноте, пахнущей старой смазкой и чужим потом.

— Черт, — шепнула я, доставая телефон. Экран осветил мои пальцы; я едва попала по имени Дмитрия.

Набрала номер мужа. Гудки. Длинные, тягучие гудки, которые резали тишину пустого лифта.

— Дим, ты где? — голос дрогнул, хотя я старалась говорить спокойно. — Я застряла. Немного опоздаю, но успеем. Всё готово. Реально всё.

В трубке никто не отвечал. Я отняла телефон от уха, проверила экран: соединение есть, секунды идут. Прижала обратно. Может, Дима отошел и оставил телефон на столе? Но ведь кто-то принял вызов. Я ждала хотя бы его раздраженного: «Лен, быстрее, мы опаздываем».

— Дима?

Отбой. Короткие гудки обрыва связи ударили по ушам больнее крика.

Когда свет вернулся, кабина дотянула до восьмого этажа. Я вышла на лестничную клетку. Ноги в туфлях на низком ходу скользили по бетону ступеней. На заводской лестнице было холодно, сквозняк гулял между этажами, заставляя мурашки бежать по рукам. Я шла быстро, почти бежала вниз, перескакивая через две ступеньки. Папка холодила пальцы. Мне нужно было домой. Дмитрий оборвал звонок — что случилось? Я снова набрала его на ходу, но теперь он не отвечал.

Папку прижала крепче: еще недавно представляла, как он откроет первую страницу и впервые за эти месяцы посмотрит на меня с гордостью.

У подъезда стояла машина. Обычная, серая «Лада», но на крыше мигал синий огонек. Полицейский. Мой взгляд метнулся к окнам нашей квартиры на третьем этаже. Свет не горел. Это было странно. Обычно Дмитрий ждал меня с включенным торшером, наливая себе виски или чай — в зависимости от настроения дня.

«Спишь?» — мелькнула дикая мысль. Нет, он никогда не спал так рано.

Я вошла внутрь, запах хлорки ударил в нос. Лифт здесь тоже не работал, поэтому я поднялась пешком. Сердце колотилось так сильно, что я слышала его в ушах, заглушая шаги. На площадке третьего этажа дверь в нашу квартиру была приоткрыта. Черная щель в белом дверном проеме.

— Дима? — позвала я тихо. Ответа не было.

Я толкнула дверь плечом. Внутри царил полумрак, разбавленный тусклым светом уличных фонарей, проникающим сквозь шторы. Тишина была плотной, осязаемой.

Я прошла в гостиную, поставив папку на обеденный стол. Папка хлопнула по столешнице слишком громко.

— Это плохая шутка, — сказала я в пустоту, пытаясь улыбнуться, но мышцы лица свело судорогой. — Вылезай, смешно уже.

Из-за спинки дивана, который всегда был моим любимым

местом для чтения, вышел Дмитрий. Он не спешил. Его движения были плавными, кошачьими, совершенно чужими тому человеку, которого я знала пять лет. Рядом с ним, чуть позади, стояли двое мужчин в форменных куртках. Офицеры. Их руки покоились на поясах, на кобурах.

Дмитрий даже не спросил, почему я так поздно. Смотрел, как я цепляюсь за край стола, и ждал, пока перестану оглядываться на полицейских. Я знала это терпеливое выражение: с ним он обычно дослушивал невыгодное предложение, уже решив отказать.

— Елена, — произнес он. Просто имя — ровное, без интонации, без любви.

— Что происходит? — мой голос сорвался на визг. Я обернулась к полицейским, ожидая поддержки, хоть какого-то человеческого жеста. — Муж! Скажи им! Это ошибка!

Один из офицеров шагнул вперед. Молодой, с прыщиком на подбородке, но с глазами старого прагматика.

— Паспорт предъявите. И объясните, почему вы находились в служебном помещении завода без пропуска сегодня утром.

— Я работала! — закричала я, хватаясь за край стола. Пальцы побелели. — Это моя лаборатория! Это мои разработки!

— Поступило заявление от генерального директора ООО «НеоХим» господина Дмитриева, — монотонно начал второй офицер, листая планшет. — Кража коммерческой тай-

ны. Попытка передачи данных конкурентам. Шантаж руководства компании.

Я рассмеялась. Смех получился сухим, лающим, похожим на кашель.

— Шантаж? Я ваша жена! Мы вместе едим завтраки! Мы вместе...

Я посмотрела на Дмитрия. Мольба в глазах превращалась в ужас.

— Дим, скажи им. Скажи, что это абсурд. Что рецепт мой. Что я его создала.

Он отвернулся к окну. Его плечи напряглись, но не от вины. От ожидания. Он знал, что сейчас будет. Он отрепетировал этот момент.

— Обыск, — коротко бросил он, не глядя на меня.

Меня окружили. Они двигались быстро, профессионально. Один схватил жесткий диск с рабочего стола — там были резервные копии всех моих экспериментов за два года. Другой залез в шкаф, вытряхивая мою одежду на пол. Белье, блузки, любимые джинсы — всё это валялось в пыли, униженное, растоптанное.

— Стойте! Там моя жизнь! — я рванулась к ним, пытаясь остановить руки, которые рылись в ящиках. — Верните диски! Это интеллектуальная собственность!

Грубый толчок в плечо отбросил меня назад. Я упала на колени перед столом, ударившись локтем и щекой о край стула. Боль вспыхнула ярким белым пятном, но она была ни-

чтожна по сравнению с тем, что творилось внутри. Мир качнулся.

Я подняла голову. Дмитрий смотрел сверху вниз; на секунду его губы разошлись в улыбке. Он тут же убрал ее, но я успела увидеть. Щека пульсировала от удара о стул, а мне хотелось спросить только одно: чему ты сейчас рад, Дима?

— Ты же умная, Лен, — тихо сказал он, наклоняясь ближе. Так, чтобы слышала только я. — Зачем тебе это было нужно? Деньги? Власть? Ты получила урок.

Вероника. Его секретарь. Она прошла мимо нас в прихожую, аккуратно поправляя юбку. Ее живот был слегка округлен — беременность, которую он скрывал, называя «гастритом». Она взглянула на меня, сидящую на полу среди своих вещей, и в ее глазах мелькнуло торжество. Победителя. Она знала. Она участвовала.

Это не случайность. Они отрепетировали мой арест.

Меня подняли. Наручники защелкнулись на запястьях с металлическим лязгом, который прозвучал как приговор. Холодный металл впился в кожу, оставляя белые полосы. Я перестала сопротивляться. Тело одеревенело, эмоции ушли куда-то далеко, оставив лишь тупую звенящую пустоту.

Мы шли к выходу. Проходя мимо зеркала в коридоре, я невольно поймала свое отражение. Бледная кожа, синяк, начинающий проступать на щеке от толчка, перекошенная блузка, пыль на коленях деловых брюк — такой он меня еще не видел. А за спиной — Дмитрий. Он сидел в своем люби-

мом кресле, взяв с журнального столика чашку кофе. Пар, поднимающийся от напитка, искажал его лицо, делая его похожим на демона из сказки.

— Надеюсь, статья будет тяжкой, — произнес Дмитрий, обращаясь к ведущему меня полицейскому. Его голос был ровным, деловым, как на совещании. — Я хочу, чтобы она забыла дорогу к лаборатории навсегда. Никогда.

Я перестала шагать, и полицейскому пришлось дернуть меня за локоть. Дмитрий уже распоряжался моим сроком, будто согласовывал отпуск сотруднику. Формулу он забрал. Теперь добивался, чтобы я никогда не смогла к ней вернуться.

Вспомнились исправления в черновиках, которые я оставляла на столе: пропорции, которых я не вводила. Я списывала их на усталость, восстанавливала цифры. Теперь подозрение было почти невыносимым. Если эти версии уйдут в производство, при масштабировании может случиться авария. А виноватой он уже назначил меня. Зачем ему это? Чтобы забрать всё и начать заново, без меня?

Я обернулась к нему в последний раз. Он спокойно допивал кофе. Оставить меня за дверью лаборатории ему было мало — он хотел оставить меня за решеткой.

Дверь машины захлопнулась, отсекая шум улицы и свет фонарей. Темнота салона была полной. Пахло дешевым табаком водителя и затхлостью. Я сидела, прижав колени к груди, чувствуя, как слезы текут по щекам, горячие и соленые.

Еще у подъезда хотелось попросить их вернуться: сейчас Дима опомнится, выйдет, объяснит ошибку. В машине я уже не могла представить, как снова назову его мужем. Слезы капали на брюки; вытереть их скованными руками было неудобно.

Позже Артур рассказал мне, на какой новости остановился в тот вечер. Пока меня везли в участок, он был в центре города, в пентхаусе с панорамными окнами, и листал новости на планшете. Заголовок гласил: «Жена топ-менеджера „НеоХима“ задержана за промышленный шпионаж».

Он остановился на моем имени: Елена Дмитриева. Биохимик. Автор патента. По его словам, хмыкнул и перечитал заголовок: имя автора уже было ему знакомо.

— Интересно, — прошептал он тогда в тишину своего кабинета.

А я в темноте машины еще не знала, что кто-то увидел за этим заголовком не преступницу, а автора патента.

Глава 2

От запаха в камере мутило даже при закрытом рте. Густой, липкий коктейль из мочи, дешевой табачной гнили и застарелого пота, въевшегося в бетонные стены так глубоко, что никакая химия его не вытравит. Я сидела на койке, поджав колени к груди, и пыталась дышать через рот, но от густой вони всё равно подступала тошнота.

Наручники сняли, но следы остались: красные, опухшие полосы на запястьях, которые пульсировали в такт моему бешеному сердцебиению. Дмитрий даже не посмотрел мне в глаза, когда конвоир надевал их. Он только поправил манжеты своего дорогого костюма, сверкнув часами, и сказал следователю: «Она истеричка. Предупреждали». Его голос был спокойным, как скальпель хирурга. А я чувствовала себя пациентом, которому режут плоть без анестезии.

— Эй, новенькая.

Голос принадлежал женщине у противоположной стены. Катя. Так её называли другие задержанные. Она была худой до скелета, с серыми прожилками вен на шее и глазами, горящими лихорадочным блеском наркотической ломки. Она подошла к моей койке. Длинные пальцы с грязью под ногтями нервно теребили край моей куртки — её оставили на мне после досмотра, поверх тонкой блузки.

— Отдай, — прорычала она, делая шаг вперед. В камере

было всего пять шагов от стены до стены.

— Это моя одежда, — прошептала я. Мой голос сорвался, превратившись в скрип несмазанной двери. Я прижала ткань плотнее к себе, вдавившись спиной в холодную стену над койкой.

— Здесь нет твоих вещей, сука! — взвизгнула Катя, и её лицо исказилось гримасой голода и ярости. — Мне холодно. Отдай, или я выпотрошу тебя прямо тут.

Она рванула куртку на себя. Ткань трещала, но я держалась. Еще утром я застегивала эту куртку перед выходом на завод, думая только о презентации. Обычный рабочий день — как давно это было? Здесь от меня требовали уже и одежду. Я стиснула край куртки обеими руками. Хоть это не отдам.

Катя ударила меня ладонью по лицу. Резко, наотмашь. Боль вспыхнула белым пятном перед глазами, во рту появился металлический привкус крови. Я вскрикнула, запрокидывая голову, и упала спиной на жесткую койку.

Дверь камеры распахнулась с грохотом, который эхом разнесся по коридору СИЗО. На пороге стоял конвоир — здоровенный мужик в форме, лицо которого выражало полное презрение к заключенным. Катя отскочила от койки и ткнула в меня пальцем: будто виновата была я.

— Шум? — хрипло спросил охранник, входя внутрь. Он схватил меня за плечо и грубо дернул вверх. Меня швырнули к стене, затылок ударился о бетон. — Тебя переведут в кар-

цер. Правила есть правила. Никаких драк в общей камере.

— Я не начинала! — крикнула я, пытаясь высвободиться из его захвата. Пальцы скользили по мокрой форме, ногти царапали кожу. — Меня ударили! Вызовите врача!

Конвоир не слушал. Он тащил меня к выходу, игнорируя мои вопли и сопротивление. Ноги волочились по полу; подошвы скрипели, цепляясь за бетон. Страх сковывал горло, мешая дышать. Карцер. Темнота. Изоляция. Там я точно сломаюсь. Там не будет ни Дмитрия, ни науки, ни надежды. Только пустота.

И тогда из коридора, куда конвоир уже выволок меня, раздался низкий мужской голос. Он прозвучал негромко; я перестала вырываться, чтобы разобрать слова. Кто-то наконец обращался к конвоиру, а не требовал замолчать от меня.

— Отпусти её.

Конвоир замер. Его рука, сжимавшая моё плечо, дрогнула. Он медленно повернул голову в сторону источника звука. В открытой двери комнаты для бесед сидел мужчина. Он смотрел прямо на руку конвоира, стиснувшую моё плечо. Когда поднял глаза, конвоир перестал тащить меня.

Мужчина не отводил серых глаз от конвоира. Я ждала, что охранник начнет объяснять, кто здесь главный, но тот только сглотнул. Мне стало страшно уже по-другому: что это за посетитель, перед которым в СИЗО так тушуются?

Мужчина не вставал. Он просто смотрел. И этого взгляда хватило, чтобы конвоир побледнел. Крупный детина, кото-

рый минуту назад казался неприступной стеной, вдруг стал суетливым и жалким. Он быстро убрал руку с моего плеча, будто обжегся.

— Извините, господин Волков, — пробормотал охранник, пятясь к двери. — Я... я не заметил...

Он подтолкнул меня к комнате для бесед и прикрыл за нами дверь. За спиной еще слышалось дыхание Кати, затем замок камеры щелкнул, отрезав этот звук.

Я осталась одна с этим человеком. Темное пальто подчеркивало широкие плечи и мощную шею. Из-под расстегнутого ворота виднелась белая рубашка. Даже здесь, в этом аду, он выглядел так, словно находился в своем кабинете на тридцатом этаже небоскреба.

Я медленно соскользнула вниз по стене, опускаясь на пол. Колени дрожали. Во рту все еще чувствовалась кровь. Я прижала тыльную сторону ладони к губам, проверяя рану.

— Сядь, — сказал Артур Волков. Не вопрос, а утверждение.

Я не двинулась. Страх парализовал тело, но гордость, которая не дала мне отдать куртку, толкала вперед. Кто он? Зачем помог? Что ему нужно от биохимика, обвиненного в краже коммерческой тайны?

Артур молчал. Тишина в комнате стала невыносимой. За дверью брякнули ключи; я вздрогнула, ожидая, что меня сейчас снова потащат в карцер. Этот человек перебирал пальцами какую-то мелочь — монету или ключ, я не видела, —

создавая ритм, который сводил с ума.

— Что вам нужно? — мой голос дрожал, но слова были четкими. — Вы тоже хотите меня использовать?

Уголки его рта чуть дернулись. Мой вопрос, кажется, его позабавил. Я плотнее прижала ладонь к разбитой губе: пусть не думает, что сейчас достаточно заговорить ласково и я на всё соглашусь.

— Ты биохимик, Елена. Лаборант высшего разряда с кандидатской степенью. Или ты забыла, кто ты такая?

Откуда он знает мое имя? Откуда он знает про диссертацию?

— Я знаю, что такое стабилизатор белковых связей четвертичного уровня, — продолжил он, глядя куда-то в пространство, а не на меня. — Знаешь ты?

Вопрос повис в воздухе. Это была узкоспециальная тема. Моя тема. Тема, которую я защищала три года назад, и о которой знал весь наш маленький заводской мирок.

— Да, — прошептала я. — Это моя работа.

Артур наконец посмотрел на меня. Его взгляд прошел по моему лицу, остановился на синяке, который уже наливался фиолетовым.

— Хорошая работа. Жаль, что Дмитрий не умеет читать химические реакции. Он видит только цифры на бумаге и чужие подписи.

Сердце пропустило удар. Дмитрий. Он упомянул Дмитрия. Значит, этот человек знает, кто мой муж. Кто предал

меня.

— Ты знаешь его? — спросила я, забыв о страхе.

— Я знаю всех, кто стоит денег. А твой рецепт... — он сделал паузу, давая словам осесть, как пыль после взрыва. — ...стоит очень много. Больше, чем ты думаешь.

Артур встал. Медленно, плавно, как пантера. Он подошел ко мне, сокращая дистанцию до минимума. Запах от него был странным для СИЗО: дорогой табак, холодный металл и легкая нотка цитруса. Никакой вони пота и мочи.

Он навис надо мной, уперев одну руку в стену рядом с моей головой. Я почувствовала давление его тела, жар, исходящий от него. Это было опасно. Инстинкт кричал: беги. Но ноги не слушались.

— Почему ты помогаешь мне? — спросила я, задрав голову. Наши лица были почти вплотную. Я видела морщинки в уголках его глаз, темную щетину на подбородке.

— Я не помогаю тебе, Елена. Я инвестирую в проблему.

Он говорил тихо, интимно, так, что казалось, мы одни во всей вселенной.

— Дмитрий продал твой рецепт конкурентам «НеоФарма». Но он не просто украл формулу. Он специально исказил пропорции катализатора. При масштабировании производства произойдет химический выброс. Взрыв. Погибнут люди.

Глава 3

Меня затрясло. Дмитрий... он хотел не просто денег. Он хотел уничтожить завод. Купить активы за бесценок после катастрофы. Мразь. Настоящая, глубинная, расчетливая мразь.

— Ты владелец «НеоФарма»? — выдохнула я.

— Владелец холдинга, который сейчас находится на грани банкротства из-за действий твоего мужа. И я не могу позволить этому случиться.

Он произнес «не могу позволить» так, что мне снова захотелось подняться с пола. Речь шла о его холдинге; мой синяк к этому разговору не имел отношения. По крайней мере, он не притворялся, что приехал из жалости.

— Я вытащу тебя отсюда завтра. Под залог. Дам крышу над головой. Дам доступ к оборудованию, чтобы восстановить оригинальные данные.

— Взамен? — спросила я. Я не верила в бесплатную помощь. Не после того, как меня предал самый близкий человек.

Артур усмехнулся. Впервые за вечер. Коротко, сухо.

— Взамен ты подпишешь заявление о пересмотре дела. Правдивое. Ты расскажешь следствию всё, что знаешь о схемах Дмитрия. О фальшивых документах. О том, как он планировал саботаж.

— Это предательство, — сказала я. — Он мой муж.

— Он твой враг, Елена. Посмотри на свои руки. Посмотри на свой синяк. Какой враг может быть опаснее того, который знает твои слабости?

Я закрыла глаза. Мысли метались в голове, как птицы в клетке. Предать мужа? Даже такого? Или остаться здесь, сгнившей в этой камере, пока Дмитрий строит свою империю на костях моих трудов и жизней рабочих?

Когда я открыла глаза, Артур все еще смотрел на меня. В его взгляде читалось ожидание. Он замолчал, оставив мне разбираться с его условиями. Давить дальше ему уже не требовалось: за дверью брякали ключи, и каждый этот звук напоминал, куда меня вернут, если я откажусь.

— У тебя есть выбор, — сказал он мягко. — Сломаться здесь. Или стать королевой там.

Слово «королева» прозвучало насмешливо, но в его глазах мелькнуло что-то настоящее. Вызов.

Я посмотрела на свои дрожащие руки. На грязные пальцы, на разбитую губу. Вспомнила лицо Дмитрия, его равнодушные глаза, когда на меня надевали наручники. Вспомнила запах лаборатории, чистоту реакций, красоту науки, которую он осквернил.

Чем дольше я вспоминала Дмитрия, тем меньше хотелось просить о пощаде. Он присвоил даже мои неудачи: теперь каждая испорченная проба могла стать в его бумагах «фальсификацией». Пусть попробует повторить это, когда у меня

будут мои записи.

— Я сделаю это, — сказала я. Голос больше не дрожал.

Артур кивнул. Единственный раз. Затем он отвел руку от стены и протянул мне белый платок. Идеально чистый, накрахмаленный. Нелепый в этой обстановке.

— Вытри кровь.

Я взяла платок. Пальцы коснулись его ладони. Кожа была горячей, сухой. Он не отдернул руку сразу. Секунда затянулась. Две. Три. Между нами пробежала искра — не романтики, а чего-то более темного, электрического. Опасности. Притяжения.

— Завтра в девять утра, — сказал Артур, глядя прямо в глаза. — Если ты не подтвердишь следователю свои показания, я не буду просить тебя снова. Но поверь, Елена, без меня ты сгниешь здесь за месяц. А с тобой... мы сожжем город дотла.

Свет в коридоре внезапно мигнул и погас. Я перестала видеть лицо Артура, но слышала, как он дышит совсем рядом. Еще минуту назад его условия казались безумием. Теперь я перебирала, что смогу рассказать следователю, и боялась забыть хотя бы одну дату.

Перед уходом он вложил мне в карман куртки визитку. «Если понадобится крыша — звони». Я не ответила, но карточку оставила.

Я сидела в темноте, сжимая чужой платок. Чистая ткань приятно холодила разбитую губу. Завтра в девять. Я повто-

рила время про себя — и улыбнулась, осторожно, чтобы не разошлась ранка. Впервые за эти сутки мне было чего ждать, кроме поворота ключа в двери.

После удара затылком меня всё-таки отвезли в больницу. В четыре утра врач закончил осмотр, а сопровождавший полицейский получил звонок и велел медсестре вернуть мои вещи. Меня отпустили до вызова к следователю. Тихо, как ненужный мусор.

Артур обещал вытащить меня — и вот я за дверью. Только ни дома, ни работы это мне еще не возвращало. В кармане лежала его визитка; обращаться за крышей к незнакомому мужчине я пока не могла. Сначала домой.

Такси довезло до подъезда. Руки тряслись так сильно, что ключи звенели о замок, как бусины четок перед казнью. Ключ не понадобился: стоило нажать на дверь, и она подалась внутрь. Дмитрий даже не запер её.

Внутри тянуло холодным воздухом. Я по привычке потянулась к выключателю и остановилась: вместо торшера у стены остался только круглый след на полу. Стены были голыми, серыми, с дырками от дюбелей там, где висела моя полка с книгами по биохимии. Кухня исчезла вместе с холодильником, микроволновкой и тем самым старым кофеварочным горшком, который мы купили на первую зарплату Дмитрия. На полу лежала разбитая рамка. Стеклянные осколки сверкали в лунном свете, пробивающемся сквозь щели жалюзи. Фотография внутри была порвана напополам. Моя улыбка

осталась слева, его профиль — справа. Нас больше не существовало как единого целого.

Я прошла в спальню. Матрас отсутствовал. Только пружинный каркас, торчащий из пола, как ребра мертвеца. Я еще надеялась сесть на кровать, снять туфли. Даже этого он мне не оставил. Возле каркаса темнел след от тумбочки; там обычно лежали мои очки и книга, которую я читала перед сном. Лечь и закрыть глаза было негде.

Слезы подступили к горлу, горячие и едкие. Я прижалась спиной к холодной стене, чувствуя, как бетон впивается в лопатки. Нужно было дышать. Глубоко. Ровно. Но каждый вдох отдавал страхом. Где взять документы? Паспорт лежал в возвращенной сумке, но одних паспортных данных для новой работы было мало. Трудовая книжка — у начальника цеха.

Игорь Петрович. Мы работали рядом двенадцать лет. Он учил меня калибровать спектрометры, когда я только пришла на завод. Он звал меня «Еленка» и всегда оставлял на столе пачку печенья.

Заводской общежитский корпус стоял в двух остановках. Февральский ветер бил в лицо мокрым снегом, проникая под тонкую куртку. Игорь Петрович жил здесь, в служебной квартире на первом этаже. Я постучала. Тишина. Потом скрип замка. Щель шириной в пять сантиметров показала его глаза. Они бегали, метались, избегали моего взгляда.

— Елен… ты чего? Тебе нельзя сюда.

— Мне нужны трудовые документы, Игорь. Хотя бы справка для соцзащиты. И… просто поговорить.

Он просунул в щель белый конверт. Бумага шуршала, как сухие листья.

— Забирай и иди. Пожалуйста. Дима позвонил вчера вечером. Сказал, если ты появишься здесь или в цеху, он заявит о нарушении режима секретности. У меня ипотека, Лена. Дети в школе. Ты же понимаешь?

Конверт упал в мои руки. Внутри лежала копия приказа об увольнении «по статье»: нарушение коммерческой тайны, попытка шантажа конкурентов. Под приказом стояла размашистая подпись директора. А внизу, мелким шрифтом, добавка от отдела кадров: «Рекомендовано к внесению в черный список отрасли».

— Ты веришь ему? — спросила я тихо.

Игорь Петрович захлопнул дверь. Задвижка лязгнула с такой силой, что у меня заныли зубы. Из-под двери потянуло дешевым табаком. Игорь Петрович остался там, с сигаретой, ипотекой и детьми. Я стояла с конвертом, еще надеясь услышать, как он отодвинет задвижку и скажет: «Лен, погоди».

Банк встретил меня теплом кондиционера и запахом кофе. Я подошла к операционистке, девушке с идеальным маникюром и равнодушными глазами.

— Хочу снять все средства со своего личного счета. Открытого до замужества.

Она набрала код, посмотрела в экран и покачала головой.

— Счет заблокирован. Решение суда. Взыскание долговых обязательств.

— Каких долгов? Это мои деньги! Зарплата за три года работы лаборантом!

Девушка даже не повысила голоса. Она говорила так, будто читала инструкцию по применению шампуня.

— Квартира, в которой вы проживали, находилась в залоге у банка с 2019 года. Кредит оформлен на Дмитрия Сергеевича Дмитриева. По условиям договора, в случае признания заемщика банкротом или наличия исполнительного листа, залоговое имущество подлежит реализации. Так как квартира продана досрочно (по фиктивной сделке), банк инициировал блокировку всех связанных счетов супруга/супруги для покрытия убытков. Вы жили в клетке, Елена Андреевна, которую сами же и оплачивали ремонтом, не читая приложений к брачному контракту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.